

Много лет спустя, став обладателем пятисоттысячного войска, маршал Лу, оглядываясь назад, на ту суровую зиму, когда ему было двенадцать, всё ещё чувствовал непреодолимое желание взять копье и вырезать весь род Лу под корень.

Этот год был донельзя паршивым.

Ранней весной на границе внезапно вспыхнула война. В одну из снежных ночей варвары из степей, топчя глубокие сугробы, неожиданно перешли в наступление. Многие семьи ещё не успели оправиться от новогодней радости, как их мужчин уже призвали на фронт.

Символизирующие воссоединение и счастье рисовые шарики не успели остыть, а на границе уже пролилась кровь бесчисленных воинов.

Если бы гарнизон в пригороде столицы не отвечал за охрану императорского города, то даже юного Лу Юаньшао, возможно, отправили бы на передовую.

Империя долго жила в покое, уже два правления не зная войн. Многие солдаты ни разу не видели настоящей крови, и это внезапное нападение застало всю страну врасплох.

К счастью, Иньюань-ди, хоть и не был великим мудрецом, но и дураком его назвать было нельзя. После двадцати лет мира, особенно благодаря усилиям Шэнь Ханя на посту главы Министерства доходов, государственная казна была далеко не такой пустой, как два десятилетия назад.

По крайней мере, средств на ведение этой войны хватало с избытком.

Затем наступило лето, и беда пришла с юго-западных рубежей, где располагались малые государства Западного края. Началось всё с проделок нескольких работорговцев. На торговых рядах за заставой Фуюй издавна процветала торговля рабынями из Западного края. Эти золотоволосые, голубоглазые и жизнерадостные танцовщицы всегда пользовались огромным спросом у знати Центральной равнины.

Работорговцы как раз купили нескольких девиц, посетовав на то, что в этот раз товар попался не первой свежести, как вдруг увидели трёх девушек с ярко-синими глазами, длинными ногами и открытыми изящными талиями.

Особенно хороша была та, что шла посередине: глаза — как чистое озеро, а улыбка — удивительно наивная. Скорее всего, это была дочка знатного семейства из Западного края, а двое других — её служанки.

Глаза работорговца забегали, и в голове созрел подлый план. Он подошёл к ним, заговорил, и через пару минут заманил девушек в укромное место, где накинул на них мешки и оглушил.

Какая разница, что она из знатного рода? Попад на Центральную равнину, она станет такой же дешёвой девкой, как и все остальные!

Однако в этот раз работорговец просчитался. Он разглядел в девушке аристократку, но не понял, что статус её был невероятно высок: это была любимая младшая принцесса правителя Уйгурии, одного из самых могущественных государств Запада.

Когда охрана, отставшая от принцессы, бросилась в погоню, двое преступников уже тряслись в тележке, запряжённой ослом, внутри заставы. Охрану не пропустили стражники, и им оставалось лишь скрежетать зубами, глядя вслед удаляющейся повозке.

Узнав о случившемся, правитель Уйгурии немедленно потребовал от пограничного генерала выдачи виновных. Но где стражники могли их взять? Они перевернули вверх дном все бордели и увеселительные заведения в округе, но даже следа западных танцовщиц не нашли.

Разумеется, ведь если у границы появлялись выходцы из Западного края, их либо принимали за шпионов и выдворяли, либо, если подозрения подтверждались, казнили на месте. Как тут можно было найти хоть волосок от западного человека?

Что же касается маленькой принцессы, то она бесследно исчезла — жива ли она, мертва ли, никто не знал.

Правитель Уйгурии в ярости двинул войска. Возможно, поначалу он не хотел полномасштабной войны, а лишь желал проучить пограничников, ведь силы были неравны. Но пограничный генерал, человек прямолинейный, не понял намёков и, решив, что это дерзкое нападение, нанёс сокрушительный удар, полностью уничтожив отряд противника.

Теперь ситуация стала по-настоящему серьёзной.

Так, пока на северо-западной границе ещё шли бои, на юго-западе разгорелось новое пламя.

В Министерстве доходов все остальные дела отошли на второй план. Сотрудники только и делали, что искали провиант, искали провиант и ещё раз искали провиант.

Гу Цзинлань худел буквально на глазах.

Богатства, которые Шэнь Хань копил для династии Инь десять лет, почти полностью уходили на эти войны. Сердце его обливало кровью, но он понимал, что это неизбежные траты. Он ходил мрачнее тучи, а тут ещё командующий Чжунбэйской армией Чжао Цзюньчи каждый день бесстыдно заявлялся к нему требовать жалования — Шэнь Ханю хотелось запустить в него мешком с рисом.

Иньюань-ди хотел закончить войну как можно скорее и приказал Чжунбэйской армии

немедленно выдвигаться к заставе Фуюй. Министерству доходов было поручено подготовить припасы, которые должен был доставить Чжао Цзюньчи, всё ещё находившийся в столице.

У Чжао Цзюньчи появился законный повод дневать и ночевать в Министерстве доходов, якобы ради контроля за выплатами. Он ничего не делал: просил чашку чая и часами сидел в кресле, наблюдая за работой Шэнь Ханя.

Шэнь Хань внешне сохранял невозмутимость, но внутри был близок к безумию. Ему хотелось за четверть часа разобраться со всеми бумагами, швырнуть их в лицо этому человеку и выгнать его прочь!

Весь штат министерства тоже был на грани срыва под давлением своего главы, но никто не смел произнести ни слова о причине его ярости.

Будь то старожилы или новички, вроде Гу Цзинланя, — в Министерстве доходов все знали историю молодости Шэнь Ханя.

Ведь Чжао Цзюньчи был тем самым мужчиной, за которого он когда-то вышел замуж.

Лу Юаньшао в пригороде столицы тоже приходилось несладко. Он должен был быть готов к любому приказу, нагрузки на тренировках резко возросли, и с ним никто не обращался как с ребёнком.

Ему было двенадцать. Хотя он вырос и выглядел как пятнадцатилетний, кости двенадцатилетнего подростка были ещё хрупкими и не выдерживали таких истязаний.

Узнав об этом, Гу Цзинлань потёр виски и приказал Цзиньсэ каждый день присылать ему мясные блюда — свиные ножки, рёбра, утку, что угодно. Он также договорился с военачальником, чтобы мальчик каждую неделю возвращался в поместье на ночь — не для отдыха, а для лечебных ванн.

Лу Юаньшао страдал, но был счастлив. Пока Гу Цзинлань худел на глазах, сам мальчик рос буквально по дюймам.

К поздней осени, в этот год хаоса и суматохи, единственной хорошей новостью стало рождение ребёнка у наложницы Лань. Она была повышена до ранга Благородной наложницы.

В тот день, когда наложница Лань рожала, Императрица Лу-ши с самого начала стояла у дверей покоев, перебирая чётки и тихо читая молитвы, словно искренне молилась за здоровье матери и дитя.

Разумеется, молилась она, скорее всего, только за благополучие ребёнка.

Весь год, пока наложница была беременна, Лу-ши пыталась вернуть расположение Иньюань-ди, заманивая его во Дворец Фэнъи, но год прошёл, ребёнок родился, а в её собственной жизни ничего не изменилось.

Лу-ши, казалось, окончательно отчаялась и перестала мечтать о собственном ребёнке.

Когда младенец появился на свет, мать даже не успела на него взглянуть — няньки тут же понесли его показывать императору и императрице.

Иньюань-ди был счастлив, что в его возрасте у него родился ещё один наследник. Он щедро одарил слуг, а наложнице Лань, которая ещё не могла встать с постели, пожаловал невероятные награды.

Первым делом маленького принца взяла на руки Лу-ши. Глядя на этот розовый комочек жизни, она не знала, куда деть руки. Она неуклюже прижала его к себе и коснулась пелёнки — видимо, её пальцы были слишком холодными, и малыш немедленно разразился громким плачем.

С того дня возглас «Императрица прибыла!» стал ежедневно звучать во Дворце Гуанлань. Су Цзиньхуэй начала подозревать, что с Лу-ши что-то не так.

Вскоре она убедилась в этом окончательно.

Взгляд, которым Лу-ши смотрела на маленького принца, с каждым днём становился всё более пугающим, вызывая у Су Цзиньхуэй тревогу.

С того самого момента, как малыш заплакал у неё на руках, Лу-ши почувствовала, что между ними есть какая-то связь.

Очень глубокая связь.

<http://bllate.org/book/20357/2035250>